Дмитрий Хоботнев

Родился 26 июня 1978 года в Новокузнецке.

На вопрос, когда же начал писать, в одном из интервью ответил:

«В 4 года… Помню точно, что первым было стихотворение. В книжке увидел какую-то картинку и под впечатлением от неё написал. С тех пор и пишу – стаж большой! Со стихами редко публикуюсь. В своей прозе ставлю людей в крайние ситуации. А с крайними ситуациями люди на самом деле нечасто справляются – наверное, боятся реальности, подсознательно уходят в другой мир... Для меня жанр фэнтези в современной литературе не привлекателен. Я реальности никогда не боялся, смотрел ей в лицо. Если от неё уходить, будет ещё хуже».

Дмитрий Николаевич Хоботнев – член Союза писателей России.

В редколлегии альманаха «Кузнецкая крепость» он ведёт раздел прозы.

Его сборник рассказов «Мост» был признан в Кемеровской областной организации писателей «Книгой года» (2008) в номинации «Дебют».

В сборнике «Новые писатели» (Москва – 2014) есть подборка Дмитрия Хоботнева «Как не хочется жить по правилам…».

При этом он – горнорабочий одной из шахт.

Днём – шахта, ночью – бумага и ручка. Зарабатывать на достойное существование и заниматься любимым делом – два полюса жизни новокузнецкого писателя.

ОСТАНОВКА В НОЧИ

РАССКАЗ

Дороги словно не было. Её контуры смутно угадывались в черно-белой кутерьме по снежным отвалам, оставленным грейдерами. Обычное дневное оживление не имело ничего общего с десятью часами вечера, когда ледяной ветер, надсадно завывая, хлестал по окнам автобуса тяжёлыми хлопьями.

За сорок минут пути один лишь раз из темноты вынырнули два зловещих жёлтых пятна, подмигнули нам и сгинули.

Водитель с видом деревенского увальня-флегматика беспрестанно ворчал, приводя в тихое бешенство не только ворчанием, но, под стать внешности, манерой вождения.

Чем дальше, тем отчетливее я понимал, что не успею. До Нового года оставалось два часа, а автобусу предстояло ещё сделать здоровый круг по окраине, прежде чем развернуть грязное, облепленное снегом рыло в сторону моего дома.

Позади меня царило пьяное воодушевление. Звеньевой, комбайнер и четверо рабочих пили дешёвый коньяк, заедая его шоколадом, и резались в дурака трое на трое, приспособив под карточный стол брошенный на поручни сидений кусок фанеры.

Впереди меня мастер и заместитель начальника дули баночное пиво, с важным видом болтая ни о чём.

Справа от меня, скрестив на груди руки, богатырским сном спал слесарь.

Закончился год, закончилась трудовая вахта, закончилась последняя смена этого года и этой вахты. И лишь окаймлённая снежными отвалами дорога, казалось, не кончится никогда.

Я прекрасно относился ко всем девятерым вышеназванным людям, однако осмысление того, что они, живущие на окраине, успеют к столу, а я вместо речи президента буду слушать ворчание увальня-флегматика, вызывало в сознании одну навязчивую картинку, как мы целых двадцать минут простояли у сельского магазинчика в ожидании, пока любители коньяка сделают выбор, будто в этой гнусной дыре можно было купить что-то стоящее.

Ветер выл, раскачивая тяжёлую автобусную тушу, и дизель устало хрипел под этим натиском, точно вот-вот готов был зайтись в последнем предсмертном кашле.

Я, выставив голову в проход, пытался сквозь лобовое стекло, которое без устали скребли дворники, разглядеть какой-нибудь ориентир, чувствуя, как боль нарождается в глазах от этой безумной пляски непогоды.

Когда машина вошла в крутой поворот и со скрежетом сменила скорость на самую малую, мне показалось, что где-то за гребнем окаменевшего снега промелькнули отблески пламени.

– Ничего себе! – заорал водитель.

Впрочем, оговорюсь, заорал он несколько иначе, и вообще всё, что прозвучало тогда, звучало несколько иначе, чем я описываю, потому как истинных звуков не стерпела бы даже бумага.

Автобус остановился, и на миг сделалось тихо и страшно.

А потом с пыхтением отворилась автобусная дверь, и все, кроме продолжающего похрапывать слесаря, выбежали на дорогу.

Метрах в тридцати от обочины возвышалась массивная стальная опора линии электропередач, и возле неё под погребальное завывание ветра догорал искажённый остов легкового автомобиля.

Судя по следу, оставшемуся на отвале и беспорядочно вспаханному, изорванному снежному полотну за ним, машина на большой скорости вошла в поворот и, потеряв управление, буквально улетела вниз, отчаянно при этом кувыркаясь.Стальная вышка приняла на себя этот чудовищный удар спокойно и уверенно и теперь отрешённо и мрачно взирала на охваченный огнём бесформенный ком.

Несколько минут мы просто стояли и смотрели.

Я хорошо запомнил лица. Особенно лицо зама: он улыбался, он вообще любил улыбаться.

Потом, словно по какой-то неозвученной команде, мы перелезли через отвал и не спеша, сгибаясь под свистящими порывами, двинулись к вышке, спотыкаясь в неглубоком, но необычно цепком снегу.

Странное и, боюсь, не совсем здоровое любопытство направляло наши ноги. Жуткое, мучительное удовлетворение посещает порой людей при виде чужой смерти – удовлетворение непричастности. Радость от того, что это случилось не с ними.

Пока мы шли, кто-то без устали высказывал на все лады одну мысль. Дескать, понакупят права, а ездить не умеют, и пьяные, и лихие, и всё в том же духе.

Вблизи машина выглядела ещё хуже, чем с дороги. Невозможно было определить даже модель. Крыша была сплюснута и разорвана пополам, и в том разрыве, среди угасающих оранжевых лоскутков мы увидели чёрный оскалившийся череп с запекшимися в коричневую массу глазницами.

Кого-то стошнило, судя по звуку. Я же ощутил себя на мгновение стоящим на верхушке этой самой громадной смертоносной опоры. Будто ветер качает меня, а внизу пропасть, и в голове точно крутятся маленькие бешеные лопасти, не дающие мыслям собраться воедино.

– Смотрите! – вдруг воскликнул самый старший из рабочих, указывая пальцем куда-то в сторону.

Метрах в семи от машины что-то темнело.

Водитель достал карманный фонарик. Рука его дрожала, и луч упрямо не желал высвечивать цель.

Слева от меня что-то чиркнуло. Я повернул голову и в свете спички увидел раскрасневшееся от коньяка лицо звеньевого.

– Вылетела, – коротко бросил он, раскуривая сигарету.

Луч, наконец, остановился. Длинные светлые волосы разметались в снегу. Совсем юная. Лет восемнадцать, должно быть. Тонкие струйки крови изо рта и носа стекают по белой щеке.

Мастер склонился над телом.

– Жива, – услышали мы. – «Скорую» надо вызывать и ментов.

– Какие здесь «скорые»? – скривился зам. – Они час будут ехать... Понажрутся и за руль, а потом «скорые» им вызывай... Ты Новый год в поле, что ли, собрался встречать?

– Ты её предлагаешь здесь бросить? – слишком спокойно спросил комбайнер.

– Нет, хоровод вокруг неё будем водить. Из автобуса позвоните - и вызовете.

– Замёрзнет здесь лежать, – сказал кто-то, и в ту же секунду я ощутил весь пронизывающий холод этих слов.

Девушка шевельнулась и открыла глаза. Огромные испуганные глаза. Первозданный страх плескался в них. Страх существа, оставшегося наедине с воем пурги среди бескрайних белых полей. Страх, походящий на предощущение смерти.

– У кого есть телефон? – спросил мастер, обводя взглядом наши чёрные фигуры.

Спустя мгновение восемь пар глаз внимательно смотрели на зама. Все знали, что по долгу службы он не расстаётся с телефоном.

– Я не буду никуда звонить, – неприязненно выплюнул тот и поднял воротник дублёнки, пряча лицо, то ли от ветра, то ли от наших глаз.

– Дай телефон, – с вежливой угрозой попросил комбайнер.

– На кой черт она вам? – ощетинился зам, взгляд его растерянно бегал между подчиненными.

– Дай телефон! – прозвучало вновь, но это был уже голос звеньевого.

Маленькая серебристая трубка появилась в руке зама. Комбайнер молча принял её и, надев капюшон, встал спиной к ветру.

Последний язычок огня вздрогнул и погас среди изорванного металла.

– Может, в автобус её перенесём? – предложил старший рабочий. – Замёрзнет девка...

– Ага... Сейчас, – окрысился молчавший до этого момента водитель. – Чтобы мне сиденья кровью испачкать.

– Слышь, ты, сиденье, – рявкнул с неожиданной злобой один из рабочих, здоровенный малый с добродушнейшим лицом. – Испачкать бы тебя!.. А если бы твоя дочь здесь лежала?.. Совсем уже обалдели.

– У меня сын... – попятился водитель. – У меня нет дочери...

– Кретин, – сплюнул рабочий.

– Опасно трогать, – рассудительно сказал мастер. – Вдруг позвоночник повреждён?..

– Замёрзнет, – упрямо повторил старший, покачав седой головою.

Комбайнер повернулся к нам и возвратил трубку хозяину.

– Едут, – коротко бросил он. – Минут двадцать, а то и полчаса. Дороги перемело.

– Ментов вызвал? – спросил мастер.

– Связь никакая... Еле дозвонился... Врачам сказал, чтоб вызвали.

Девушка надрывно закашлялась. Какое-то жуткое клокотание и бульканье послышалось в этом кашле. Изо рта у неё плеснуло кровью. Мы стояли и словно заворожённые смотрели на пятно, расплывающееся на снегу около её головы.

Рабочий, приструнивший водителя, снял своё огромное пальто и расстелил его на снегу.

– Полчаса не протянет на холоде, – сказал он мрачно. – Надо в автобус нести.

Я взглянул на водителя. Тот стоял с вытянувшимся, кислым, как лимон, лицом, однако не решился возразить, понимая, что опасно играть с судьбой среди этих мёртвых ночных полей.

– Мать Тереза чертова, – отвернулся зам, и мы увидели удаляющуюся в направлении автобуса, дышащую бессильной злостью спину.

Девушку положили на расстеленное пальто со всей нежностью, на которую были способны грубые шахтёрские руки. Она была совсем невесомая, но, когда мы несли её сквозь снега, ветер точно почувствовал, что у него из-под носа уводят добычу, и заверещал, подобно обезумевшему чудовищу, сгибая и без того уставшие спины.

Помню, две вещи поразили меня, когда мы внесли её в салон: безмятежный храп слесаря и подчеркнуто равнодушное лицо зама, демонстративно зевающего на своём месте.

Девушку вместе с пальто положили на заднем ряду кресел. Звеньевой достал из пакета влажное полотенце и обтёр кровь с её лица. Глаза она больше не открывала, только дышала тяжело и сипло. Это было страшно. С каждым новым таким вздохом казалось, что следующего не будет.

Ничего для неё сделать мы больше не могли. Разговоры стихли. Каждый думал о чём-то своем, о чём-то невесёлом своём.

«Таблетка» с красными крестами на боках подъехала тихо. В этом мире хватило воя ветра, и незачем было добавлять к нему вой никому не нужной сирены.

Лишь по синему мерцанию проблескового маячка за окном мы поняли, что карета прибыла.

Спустя каких-нибудь пару минут столь же тихо появились милицейский уазик, небольшой фургон для перевозки тех, кому врачи уже без надобности, и эвакуатор.

Доктор, крупный лысый мужчина в очках, вошёл в автобус в сопровождении двух медсестёр и, ограничившись беглым осмотром, сказал:

– Несите её в «скорую».

Мастер ушёл разговаривать с милицией.

В салоне остались только надувшийся зам и непостижимо продолжавший похрапывать слесарь.

В «скорой» девушку переложили на носилки. Я всё время смотрел на лицо доктора, но ничего не мог там прочитать.

– Всё, мужики, поехали, – послышался голос мастера, и тут же призывно заурчал дизельный двигатель.

Доктор уже хотел закрыть дверь, когда я тронул его за плечо. Глаза посмотрели на меня сквозь очки внимательно и строго.

– Она выживет? – спросил я тихо.

Пауза. Доктор будто обдумывал, стоит ли вообще обращать на меня внимание.

– Она будет жить? – повторил я настойчиво, но без нажима.

– Девяносто процентов, что не довезём до больницы – последовал ответ, после чего хлопнула дверь.

– Ты едешь или нет? - кивнул комбайнер,

– Еду, – прошептал я, провожая взглядом кровавые кресты, растворяющиеся в снежной мгле.

Я попросил, чтобы мне плеснули немного, и они плеснули с тихим пониманием.

Остаток пути ехали молча.

Пили коньяк. Правда, в карты больше не играли. Высказывали надежду, что всё обойдётся, и я присоединился к ней, оставив слова доктора для себя.

Водитель вдруг скинул с себя плед флегматичности и с ожесточением давил на педаль газа, казалось, упиваясь протестующим хрипом дизеля. Автобус дребезжал и раскачивался на поворотах, точно судно во время шторма.

Мастер сидел с нами, оставив зама наедине со своим пивом и своей жалкой злобой.

Слесарь проснулся за минуту до своей остановки и, жизнерадостно поздравив тех, кто ещё не вышел, с наступающим, отправился отмечать – весёлый и отдохнувший.

Я открыл дверь своей квартиры за пятнадцать минут до Нового года. Спасло овладевшее водителем ожесточение.

Все давно сидели за столом. Они уже знали о случившемся. Не находившая себе места жена дозвонилась до зама.

Впрочем, по весёлым раскрасневшимся лицам гостей я видел, насколько далеки они от жутких ночных полей, яростного воя пурги и беззащитной девушки, истекающей кровью у догорающих остатков автомобиля.

Когда президент начал новогоднюю речь, все встали писать на бумажках свои заветные желания, вспомнив о дурацкой примете, говорящей, что пепел той бумажки, смешанный с шампанским и выпитый под бой курантов, гарантирует исполнение мечты.

Я взял авторучку и написал на белом клочке четыре слова: «Хочу, чтоб она выжила», – понимая, что те девяносто процентов, скорее всего, уже сделали своё дело.

Куранты пробили двенадцать раз.

Зажмурившись, я поднял руку и до дна осушил свой бокал.

Звенел хрусталь. Все кричали «ура».

Ветер не выл. В городе не было пурги. Я тоже кричал «ура» и делал вид, что улыбаюсь.